

ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ
И ЛОГИКИ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ
И ЛОГИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — 1960 г.

Сборник статей, подготовленный Кафедрой философии Академии наук СССР, содержит статьи, посвященные марксистско-ленинской теории познания, критике агностицизма, а также истории отечественной логики.

Сборник представляет интерес для читателей, изучающих вопросы теории познания и логики — студентов, аспирантов, научных сотрудников, для широких слоев интеллигенции.

Ответственный редактор

И. Д. АНДРЕЕВ

И. Д. Андреев

**МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА
КАК ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ
И ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА**

**1. ЗНАЧЕНИЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ
ДЛЯ ПОЗНАНИЯ**

Познание человеком окружающего нас мира представляет собой весьма сложный процесс перехода от незнания к знанию, от неполных и неточных знаний к знаниям все более полным и точным. Диалектика пронизывает собою решительно весь познавательный процесс от его начала и до конца. Диалектический характер носит переход от единичных, конкретных предметов, от непосредственного живого созерцания к образованию общих понятий, общих теоретических положений, к абстрактному теоретическому мышлению и обратно. Сложная диалектическая взаимосвязь имеет место между объективной, абсолютной и относительной истиной, между общим и единичным, конкретным и абстрактным, истиной и заблуждением, эмпирическим и рациональным, субъективным и объективным и т. п.

Поэтому без знания материалистической диалектики нельзя глубоко осмыслить и понять как весь процесс познания в целом, так и каждый конкретный акт познания, каждый этап, ступень познавательного процесса. Только материалистическая диалектика дает нам единственно научный и самый эффективный метод познания, позволяет правильно осуществлять познавательный процесс, вскрывать самые глубокие, скрытые от нас связи и отношения предметов, явлений объективного мира.

Насколько велико значение материалистической диалектики для научного познания и практической деятельности передовых сил общества решительно во всех областях науки и общественной практики — можно видеть

хотя бы на примере политической экономии. Известно, какое видное место занимает эта наука в марксистском мировоззрении. Именно благодаря тому, что Маркс глубоко познал внутреннюю, скрытую от непосредственного восприятия сущность экономических явлений, происходящих во всех общественно-экономических формациях и особенно в условиях капитализма, основоположникам марксизма удалось открыть законы общественного развития, впервые в истории создать науку об обществе и на этой основе предсказать наступление новой коммунистической эпохи.

Но познать сущность экономических процессов, проникнуть в глубину общественных явлений Марксу удалось только благодаря своему диалектическому методу. Энгельс указывал, что основой того переворота, который совершил Маркс в области политической экономии, является марксистский диалектический метод.

Основное экономическое произведение К. Маркса «Капитал», являющееся по существу плодом труда всей его жизни, представляет собой блестящий пример применения материалистической диалектики, как логики и теории познания к исследованию конкретных вопросов общественной жизни.

В. И. Ленин указывал, что в «Капитале» применены к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма. Это и позволило Марксу произвести сложный научный анализ капиталистического способа производства, вскрыть закономерности его возникновения и развития, обнаружить противоречия капиталистической системы, доказать неминуемую гибель капитализма, необходимость свержения капиталистических производственных отношений и создания на их месте новых, социалистических порядков.

Такое же значение материалистическая диалектика имеет для познания и практической деятельности во всех других областях окружающей нас действительности. Величайшее значение диалектического метода для создания теории научного коммунизма, для познания и преобразования природы и общества, для выработки тактических основ революционной борьбы рабочего класса ярко выразил В. И. Ленин. В статье «Переписка Маркса с Энгельсом» он писал:

«Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки,— тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее,— к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,— вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли»¹.

Значение материалистической диалектики как единственно научной теории и метода познания еще более возросло в наступившую эпоху империализма, когда до предела обострились все противоречия капиталистического общества, наступил период бурных социальных конфликтов, когда классовая борьба приняла острейшие формы. Лишь владея диалектическим методом Маркса, можно было не только разобраться в исключительно сложной и противоречивой обстановке, не только оценить смысл происходящих общественных явлений, но и предвидеть ход разворачивания событий в будущем и правильно воздействовать на процесс прогрессивного развития истории.

Эпоха империализма, кроме того, характеризуется относительно быстрым ростом техники, появлением крупнейших научных открытий, особенно в области естествознания. Жесточайшая конкуренция на мировом рынке, борьба за максимальную прибыль заставляли империалистические монополии искать средства понижения издержек производства, вводить технические усовершенствования, развивать технику.

Но важнейшие научные открытия в области естествознания, и прежде всего в области физики, были идеалистически истолкованы буржуазными идеологами. Коренная ломка основных принципов и законов классической физики, происшедшая в связи с новыми открытиями конца XIX и начала XX в. породила у некоторых буржуазных ученых попытки утверждать, что законы и принципы физики не являются якобы отражением объективной реальности, данной нам в ощущениях и отражаемой нашим сознанием.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 503.

Другими словами, они отрицали самое существование объективной реальности. «Новое течение в физике,— писал В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм»,— видит в теории только символы, знаки, отметки для практики, т. е. отрицает существование объективной реальности, независимой от нашего сознания и отражаемой им».

Попытки идеалистов использовать трудности в развитии науки для борьбы с материализмом, для «обоснования» своих антинаучных взглядов приобрели в эпоху империализма особенно острый характер.

Только владея марксистским диалектическим методом можно было материалистически обобщить все научные открытия, разобраться в тех положениях, которые выдвинула научная мысль, и в открытом бою идейно разгромить тех, кто идеалистически истолковывал результаты достижений науки.

Мастерски владея диалектическим методом познания, В. И. Ленин блестяще использовал материалистическую диалектику не только для глубокого познания и научного осмысливания исторических явлений того периода, но также для анализа и правильного истолкования крупнейших научных открытий конца XIX и начала XX в. Он доказал, что кризис естествознания, возникший в связи с указанными научными открытиями, стал возможным именно в результате того, что естествоиспытатели не владели методом материалистической диалектики.

Когда возникал сложный, переломный период в ходе исторического развития, в процессе революционной борьбы пролетариата или в развитии науки, вождь нашей партии В. И. Ленин всегда обращался к испытанному методу познания — методу материалистической диалектики, и он помогал ему решать сложнейшие научные и практические вопросы, намечать пути дальнейшей борьбы за прогрессивное развитие общественной жизни и преобразование природы.

Таким периодом были, например, предреволюционные годы в России накануне первой мировой войны. Это было время, когда нарастала новая, бурная волна революционного движения, когда политическая обстановка все более и более осложнялась, а классовая борьба принимала острейшие формы. Именно в эти годы В. И. Ленин осо-

бенно интенсивно работал над дальнейшим развитием марксистского диалектического метода применительно к новой исторической обстановке, на основе обобщения новейших достижений передовой науки и общественной практики. Насколько напряженной и плодотворной была эта работа — можно судить по «Философским тетрадям», которые представляют собой наброски мыслей В. И. Ленина в ходе этой работы и в которых красной нитью проходит положение о неразрывном единстве материалистической диалектики, теории познания и логики.

Только глубокое знание и мастерское применение марксистского диалектического метода познания дало возможность В. И. Ленину осуществить научный анализ новых тенденций и закономерностей в развитии общества в начавшуюся тогда эпоху империализма и пролетарских революций, раскрыть сущность империализма как кануна пролетарской революции, наметить перспективу развития революции, открыть закон неравномерного развития капитализма при империализме, доказать возможность победы социализма в одной, отдельно взятой стране.

Все это свидетельствует о том, что материалистическая диалектика является могучим научным методом познания окружающих нас явлений, сильнейшим средством проникновения в самую глубину, сущность явлений, процессов, закономерностей развития природы и общественной жизни.

В настоящее время, когда решаются сложнейшие вопросы познания самых сокровенных и глубоких тайн материального и духовного мира, ни один ученый не может обойтись в процессе научного исследования без материалистической диалектики как единственно научного метода познания. Это все более и более начинают понимать не только сторонники диалектического материализма, но и ученые, которые не разделяют этого мировоззрения. Вот почему нашим идейным противникам приходится менять свою тактику, а иногда в какой-то мере даже изменять свои собственные позиции.

Теперь уже нельзя с порога отвергать материалистическую диалектику или просто замалчивать ее. Огромная сила диалектического метода настолько очевидна, что некоторые современные буржуазные исследователи вынуждены искать пути примирения диалектики с их мировоззрением, искать какую-то среднюю линию, занимать не-

которую позицию, отличную от материализма и идеализма.

Одним из примеров такого половинчатого признания диалектики (только в области познания, а не в области материального мира) является философское течение, лидером которого выступает известный швейцарский философ и математик Фердинанд Гонсет. Характерная особенность этого направления состоит в том, что его сторонники категорически и безоговорочно признают диалектический характер человеческого познания и развития науки вообще. «Объективное познание по своей структуре», говорит Гонсет, а также наука «в своих наиболее живых, передовых и характерных чертах» являются диалектическими. Диалектический характер развития познания, по его мнению, особенно ярко проявляется в развитии физики и математики за последние полвека. Однако под диалектикой Гонсет и его сторонники понимают не науку о наиболее общих законах развития объективного мира, а только определенную методологию научного познания.

Большое значение в научном познании Гонсет придает так называемому «принципу пересмотра». Он считает, что всякая истина, какой бы достоверной она нам ни казалась, должна быть «открыта» для пересмотра. Причем, «пересмотр,— замечает Гонсет,— чаще всего не означает чистого и простого отказа от наших нынешних знаний, которые, напротив, сохраняются после пересмотра, но уже в качестве неполных или суммарных знаний». Даже такие истины, как $2 \times 2 = 4$, с его точки зрения, не минуют пересмотра, ибо представления школьника и представления специалиста в области теории чисел об этом равенстве значительно различаются. В бесконечном движении к завершённому знанию, говорит он, человек проходит одну ступень за другой, двигаясь все время от неполных и неточных знаний к знаниям более полным и точным.

Гонсет ведет активную борьбу против агностицизма, доказывая неоспоримую возможность человеческого разума правильно познать окружающий мир. Более того, он резко критикует различные школы идеализма. «Традиционные и современные варианты идеализма,— говорит философ,— проявляли свою неспособность понять реальность человека и мир».

Вместе с тем, Гонсет и сторонники его школы пытаются критиковать и диалектический материализм. Однако

их возражения против философии марксизма нередко связаны с весьма поверхностными знаниями ее основ. Так, марксисты обвиняются в том, что они якобы рассматривают диалектику процесса познания только в историко-хронологическом плане. На самом же деле, разрабатывая проблему единства исторического и логического в познании, диалектический материализм подчеркивает, что логический путь познания представляет собой не простое повторение исторического пути развития изучаемого предмета, а такого исторического, которое очищено от всего случайного, второстепенного, несущественного. Кроме того, процесс познания, как известно, нередко совершается в направлении, обратном историческому ходу развития изучаемого предмета. Все зависит от характера предмета исследования.

Таким же необоснованным является утверждение, будто диалектический материализм не признает преемственности в развитии познания. Представитель диалектического материализма, уверяет Гонсет, отбрасывает «всякую превзойденную теорию».

Коренной порок понимания диалектики последователями Гонсета состоит также в том, что они признают только субъективную диалектику или диалектику познания и даже не ставят вопроса об объективной диалектике, то есть диалектике развития объективного мира.

Но и субъективную диалектику Гонсета нельзя назвать последовательной. Признавая, что наличие различных и противоположных точек зрения в науке является необходимым условием развития научных знаний, он в то же время совершенно не исследует вопрос о противоречиях как движущей силе познания.

Процесс развития наших знаний через противоречия в форме отрицания отрицания сторонники школы Гонсета рассматривают как процесс простого «дополнения» одних «горизонтов», то есть ступеней, уровней познания, другими. На самом же деле диалектика развития научных знаний значительно сложнее.

Таким образом, философские воззрения Гонсета и представителей его школы (Бернайса, Ж.-Л. Детуша, Башлара, Перельмана, Ганебэна и других) свидетельствуют о том, что сама жизнь, объективный ход развития науки принуждают буржуазных ученых, вопреки их социальным

интересам, обращаться к диалектике, изучать и по-своему истолковывать ее.

Блестяще оправдываются пророческие слова В. И. Ленина, сказанные им полстолетия тому назад, о том, что наука идет к «единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом»².

2. МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ДОМАРКСИСТСКОЙ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

В домарксистский период философы-материалисты оказались не в состоянии понять величайшее значение диалектики для теории познания, не сумели вскрыть диалектическую сущность познавательного процесса. Одна из важнейших причин этого обстоятельства заложена в характере развития, состоянии и насущных потребностях науки эпохи капитализма, особенно в период раннего его развития.

Наука в это время занималась главным образом собиранием материалов и их систематизацией. Ученые разлагали природу на части, классифицировали полученный материал; они анатомировали тела, но мало еще обращали внимания на связь между предметами, явлениями природы. Значительное развитие в это время получила механика небесных тел и земных масс, что объясняется потребностями развития машинной техники, а также необходимостью изучить сначала простейшую форму движения материи с тем, чтобы после этого приступить к изучению более сложных форм в рамках физики, химии, биологии и других наук. А это обусловило механический, метафизический характер развития естествознания, что в свою очередь оказало решающее влияние и на характер развития философии. Естественные науки в то время уже отпочковались от единой нерасчлененной науки. Философия поэтому должна была определить свое место среди этих наук, свои границы. Изучая и обобщая опыт конкретного научного исследования, осуществлявшегося тогда главным образом

² В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 299.

в рамках индуктивного и экспериментально-аналитического подхода к явлениям природы, философия формировала метод мышления и исследования, которым уже пользовалось естествознание. Это и породило взаимное влияние и взаимную зависимость науки и философии. Метафизический характер исследования явлений природы породил метафизическую форму материалистической философии, а метафизический метод мышления стал, в свою очередь, теоретико-познавательной основой развития естествознания.

Для этого периода общественного развития метафизический метод, как указывал Энгельс, имел свое историческое оправдание, ибо наука тогда занималась главным образом накоплением, собиранием фактов, классификацией накопленного материала, разложением предметов, явлений на их составные части и изучением их вне связи и взаимозависимости с другими частями и предметами материального мира, вне их непрерывного движения и развития. Но когда наука накопила достаточно фактического материала, наступило время приступить к обобщению, к систематизации собранного материала, к рассмотрению изученных предметов, явлений и их частей в их всеобщей связи и взаимозависимости, в их постоянном движении и развитии. Необходимо было определить, какую роль в самом предмете, явлении играет каждая его часть, сторона, какое место занимает данный предмет в системе других связанных с ним предметов, явлений. Для выполнения этих задач метафизический метод оказался недостаточным. Нужен был другой, более прогрессивный, диалектический метод, который бы позволял рассматривать все явления объективного мира в их всеобщей связи и непрерывном движении, развитии.

Вот почему односторонне применяемый метафизический метод является не только недостаточным, но превращается в тормоз развития науки.

Характеризуя ограниченность метафизического метода мышления, Энгельс писал: «Для метафизика вещи и их мысленные отображения, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными непосредственными противоположностями: речь его состоит из:

«да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собой и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и действие по отношению друг к другу тоже находятся в застывшей противоположности». Такой «метафизический образ мышления, хотя и является правомерным и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает тех пределов, за которыми он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием — их возникновения и исчезновения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса»³.

Коренной порок всей домарксистской теории познания, исключая Гегеля, состоит именно в том, что его представители абсолютизировали метафизический метод познания, превращали его во всеобщий и единственно возможный метод изучения окружающих нас явлений.

Беда домарксистского механического материализма, говорил В. И. Ленин, состояла в том, что его представители не умели применить диалектику к теории познания и потому теория познания оставалась метафизической. Домарксовские материалисты плохо представляли себе всю сложность процесса познания, рассматривая его как пассивное созерцание людьми окружающих предметов, явлений, как прямое, механическое отражение в сознании людей закономерностей материального мира. Для них каждое положение является либо истинным, либо ложным на все времена и при любых условиях. Они вовсе не понимали, что противоположности в ходе борьбы коренным образом изменяются, превращаются друг в друга. Каждый предмет, с точки зрения метафизиков, может существовать только в том случае, если он свободен от всех внутренних противоречий, от всех противоречивых сторон. Он не может, по их мнению, одновременно содержать в себе и старое и новое, и положительное и отрицательное; для того, чтобы предмет не нарушал «гармонического» состоя-

³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, 1957, стр. 21—22.

ния, он должен обладать только одной из указанных противоположностей.

Даже прогрессивные философы прошлого, внесшие серьезный вклад в развитие материалистического понимания явлений природы, не дошли до понимания диалектического характера развития окружающего нас мира и человеческого познания, не умели применить диалектику к теории познания. Поэтому домарксистская материалистическая гносеология, хотя и имела ряд положительных качеств по сравнению с идеалистической теорией познания, но в силу своей метафизичности не могла стать подлинно научным и эффективным инструментом познания мира и тем более его прогрессивного преобразования.

Возьмем, например, такую прогрессивную философскую школу, как французский материализм XVIII в. Его представители, как известно, сделали очень много в области развития материалистического взгляда на явления природы, в развитие материалистической теории познания. Однако они не дошли до понимания диалектического характера развития окружающего нас мира, не сумели вскрыть диалектический характер процесса познания.

Так, один из виднейших представителей французского материализма XVIII в. Гельвеций был убежден в возможности абсолютного познания мира, т. е. полагал, что человек способен достичь такого предела в наших знаниях, когда окажутся познанными все возможные сочетания предметов, явлений материального мира, вследствие чего познание будет исчерпано и познавать больше будет нечего.

Ясно, что к такому выводу можно прийти, только стоя на позициях метафизического мировоззрения, отрицающего непрерывное изменение, развитие окружающего нас мира, постоянное качественное превращение всех предметов, явлений. Именно положение о том, что мир представляет собою неподвижную, законченную, качественно неизменяемую систему приводит метафизиков к выводу о возможности его исчерпывающего познания.

Метафизически понимал Гельвеций и сам процесс познания. В основу познания он положил так называемый принцип очевидности. Сущность его состоит в том, что все познание человеком окружающего мира заключается в сведении сложных идей, положений к простым, а простых

идей, положений — к очевидным фактам. При этом сведение той или иной истины к очевидности означало, по мнению Гельвеция, сведение ее к формально-логическому суждению тождества.

Он не понимал, что весь сложный, многообразный процесс познания не может уложиться в прокрустово ложе этой схемы. Кроме того, метафизический характер этого метода познания состоит в том, что он исключает возникновение всяких противоречий в познании.

Сторонники домарксистской гносеологии не понимали всей сложности, огромного многообразия, противоречивого характера познания, его сугубо диалектической сущности. Они вообще были не способны понять отражение человеком материального мира как процесс. Домарксистские философы не дошли до правильного, подлинно научного понимания вопроса о соотношении объективной, абсолютной и относительной истины, не раскрыли диалектику абсолютного и относительного в познании. Многие из них не смогли правильно понять даже такой важный вопрос теории познания, как соотношение чувственного и рационального, ощущения и мышления, превратно понимали сущность абстрактного мышления.

Эти недостатки в частности были присущи крупнейшему материалисту XIX в. Л. Фейербаху, философия которого является вершиной всей домарксистской западноевропейской философии. Заслуга этого мыслителя в теории познания состоит в том, что он глубоко верил в неограниченную возможность человека познавать окружающий мир, дал обоснованную критику кантовского агностицизма, признавал огромную роль как чувственного познания, так и абстрактного мышления. Он пытался выяснить связь между ними, утверждая, что органы чувств человека дают нам не только единичные, не связанные между собою представления, но и возможность отразить в сознании и отношения между предметами, сходство и различие между ними.

Считая чувственную ступень, ступень непосредственного живого созерцания, основой познания, Фейербах в то же время придавал огромное значение в познании абстрактному мышлению, считая его высшей ступенью познания, в ходе которого вскрываются внутренние, скрытые от непосредственного наблюдения связи и закономерности.

Однако, будучи метафизиком, Фейербах не мог постичь всей сложной диалектики взаимосвязи чувственного и рационального в познании, не видел качественного отличия абстрактного мышления от чувственного познания. Для него мышление не является качественно совершенно новой ступенью познания, а представляет собой простое суммирование чувственных восприятий. Другими словами, между чувственной и рациональной ступенями познания Фейербах видел только чисто количественное различие. Ощущение, с его точки зрения, есть восприятие единичных предметов, а мышление — восприятие «многого». Как и другие метафизики, он не понимал, что ощущение и мышление — это две качественно различные ступени, которые характеризуются диалектической взаимосвязью, что переход от чувственного познания к абстрактному мышлению представляет собой диалектический скачок. Одним словом, Фейербаху была недоступна диалектика процесса познания, он не видел противоречивого характера познавательного процесса, не понимал, что только в ходе преодоления возникающих при этом противоречий и происходит правильное познание человеком окружающего мира. И в этом состоит коренной недостаток теории познания Фейербаха.

Крупнейший порок всей домарксистской философии состоит также в том, что его представители не только не решились, но даже правильно не поставили такой важнейший, коренной вопрос теории познания, как вопрос о роли общественной практики в познании. Они не могли правильно вскрыть даже само понятие общественной практики, в лучшем случае сводя ее к опытам, к эксперименту, не могли правильно понять практику как основу всего процесса познания, как единственный объективный критерий истины и как конечную цель познания. Одна из самых основных ограниченностей всей домарксистской гносеологии состоит именно в том, что она носила созерцательный характер, между тем неразрывная связь теории с практикой является непременным условием подлинно научного познания, условием развития как науки, так и общественной практики.

«Вопрос о том,— писал Маркс,— обладает ли человеческое мышление предметной истинностью,— вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен

доказать человек истинность, т. е. действительность, мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто *схоластический* вопрос»⁴.

Указанные недостатки и пороки домарксистской теории познания не могли не отразиться на развитии научных знаний. Метафизический метод научного исследования с начала XIX в. становился все более и более серьезным **тормозом в развитии науки**. Стоя на метафизических позициях, ученые не могли, конечно, понять истинную сущность познания.

3. ВОПРОС О ЕДИНСТВЕ ОНТОЛОГИИ И ГНОСЕОЛОГИИ В ДОМАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Почему же домарксистские философы не смогли понять это, почему они упорно цеплялись за старые методы научного исследования и не видели диалектического характера процесса познания? В значительной степени это объясняется тем, что они оказались неспособными вскрыть наиболее общие законы развития объективного мира, которые являются законами развития как природы, человеческого общества, так и мышления, познания. Учение о законах развития бытия, или так называемая онтология — с одной стороны, и учение о развитии мышления, познания, или логика и гносеология (теория познания), — с другой, отрывались друг от друга, противопоставлялись друг другу. Наиболее яркое выражение это противопоставление нашло, например, в философии немецкого идеалиста И. Канта.

В отличие от других идеалистов Кант признавал объективное существование предметов материального мира, или, как он называл их, «вещей в себе», но объявлял их непознаваемыми. Предметы окружающей нас действительности были отнесены Кантом к области потустороннего мира, недоступного познанию и открываемого верой.

Познавать, по мнению Канта, человек может только явления или предметы чувственности. Мы можем познавать объекты только такими, говорил он, какими они нам являются, а не такими, какими они есть на самом деле.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология*. М., 1956, стр. 561.